

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ МЕДИАТОРА

Киндеркнехт Анна Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова
a_kinderknecht@mail.ru

TO THE ISSUE OF DISCURSIVE PROFESSIONAL DEFORMATION OF A MEDIATOR

A. Kinderknecht

Summary: The article is devoted to the phenomenon of professional deformation. The definition of discursive professional deformation of a linguistic personality is given. The changes in the mediator's communicative behavior after a long period of professional duties are evaluated. The discursively relevant manifestations of the professional mediator that persist in his communicative behavior outside the profession are examined.

Keywords: professional deformation, mediation discourse, professional discourse, mediator, linguistic personality.

Аннотация: Статья посвящена явлению профессиональной деформации. Дается определение дискурсивной профессиональной деформации языковой личности. Оцениваются изменения в коммуникативном поведении медиатора, которые возникают в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей. Рассматриваются дискурсивно релевантные проявления профессионального медиатора, которые сохраняются в его коммуникативном поведении вне профессии.

Ключевые слова: профессиональная деформация, дискурс медиации, профессиональный дискурс, медиатор, языковая личность.

Введение

Взаимосвязь языковой личности и создающего ее профессионального дискурса – актуальный вопрос современных когнитивно-дискурсивных исследований [6–11; 13–16; 19; 25–26; 30; 38; 40 и др.]. Профессиональный дискурс формирует типового языкового представителя отдельного профессионального сообщества в определенной коммуникативной среде, в то же время языковая личность, получая профессиональные знания, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, принимая и присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения и нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей, формирует профессиональный дискурс.

В процессе становления в дискурсе, в ходе приобщения к профессиональным ценностям языковая личность начинает себя проявлять дискурсивно, то есть в соответствии с ожиданиями профессионального дискурса как «особой коммуникативной среды, порождаемой целеполаганием субъектов, специфичной по тематике, оформляемой в соответствии с условиями общения и наполненной определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели» [14, с. 28]. Дискурсивные проявления профессиональной языковой личности нередко сохраняются в ее коммуникативном поведении и вне профессиональной деятельности.

Настоящая статья посвящена дискурсивной про-

фдеформации языковой личности медиатора – независимого посредника в переговорах конфликтующих сторон. Медиация – «новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов» [2, с. 31] и актуальная профессиональная деятельность, связанная с альтернативным разрешением споров. Основной участник дискурса медиации – медиатор, специалист, привлекаемый конфликтующими сторонами в качестве третьей стороны для нейтрального урегулирования возникших разногласий. Медиатор – представитель активно развивающейся в России помогающей (социономической) профессии, то есть «профессии, предполагающей в процессе деятельности общение типа “человек – человек” (например, продавец, учитель, менеджер, юрист и т.д.)» [41, с. 186]. Профессия медиатор относится также к «коммуникативным профессиям» [42], «от профессионального общения медиатора зависит эффективность его деятельности, а коммуникативные практики медиатора связаны с умением отбирать оптимальные языковые средства для достижения необходимого результата коммуникации в ситуации конфликта» [28, с. 87]. Коммуникативные стратегии, к которым приобщается медиатор, отличаются от коммуникативных стратегий других помогающих профессий [28] и не могут не сказываться на коммуникативном поведении медиатора вне профессии.

Профессиональная деформация личности

Профессиональная деформация личности – это «изменение свойств личности, вследствие длительного выполнения обязанностей, непосредственно связанных с профес-

сиональной деятельностью» [3, с. 7]. Как пишут А.В. Сечко и С.Г. Шилова, «в подавляющем количестве и качестве проведенных на сегодняшний день исследований очевидна непосредственная связь личности с изучением ее деформаций в профессиональной деятельности [39, с. 939].

Как правило, профдеформации связывают с негативными изменениями в профессиональном развитии личности [21; 33 и др.], отчасти, возможно, это связано с тем, что в научной литературе термины «профессиональная деформация», «профессиональная дезадаптация», «профессиональное выгорание» и «профессиональная деструкция» употребляются как синонимичные. Однако все же исследователями признается, что если «любая профессиональная деятельность уже на стадии освоения, а в дальнейшем при регулярном выполнении деформирует личность» [24, с. 92], то не всегда эти деформации суть негативные изменения. Профессиональная деформация, как отмечают исследователи, – «закономерно развивающийся комплексный феномен адаптивного (конструктивного) и деструктивного характера», то есть это не только негативное явление, которое «необходимо профилировать и корректировать», профдеформацию следует рассматривать и как «необходимый комплекс приспособлений к особенностям трудовой деятельности» [29, с. 145–146]. В связи с проявлениями профессиональной деформации говорится также о накоплении как отрицательных, так и положительных навыков в профессиональной деятельности [17, с. 13].

Думается, что в термине «профессиональная деформация» (профдеформация) приставка де- скорее указывает на «искажение», чем на «отрицание» и «отсутствие» как значения, приближающие наше понимание профессиональной деформации к депрофессионализации и профессиональной деструкции. С.П. Безносков употребляет производное от «(де-)формации»: «Профессиональная деятельность оказывает более мощное (де-)формирующее воздействие на личность работника по сравнению с непрофессиональными видами деятельности и приводит к не случайным, но закономерным различиям в профессиональных типах личности» [5, с. 168]. Как пишет А.А. Шатов, «нельзя отрицать, что в процессе становления и совершенствования специалиста происходит перестройка личностных конструктов в определенном направлении для того, чтобы адаптироваться к профессиональной среде» [45, с. 165–167]. Феномен профессиональной деформации следует понимать как «приобретение человеком в результате работы в данной профессии некоторых особенностей взгляда на мир и поведение (стереотипы, привычки), которые могут проявляться не только в профессиональной деятельности, но и вне ее» [23, с. 57–58].

Проблема профессиональной деформации приобретает особое значение в дискурсивных исследованиях.

Наряду с определенным уровнем изученности явления в психологии [5; 21; 23; 33; 43 и др.], наблюдается недостаточная его проработанность в лингвистических исследованиях, в частности в теории профессионального институционального дискурса. В психологических исследованиях только упоминается о коммуникативных искажениях, связанных с профдеформацией личности. Например, Л.Р. Аптикиева пишет об изменениях на уровне речи, стиля и внешнего образа человека – «осанка, походка, манера речи, применение специфических терминов, конструктивных фраз» [3, с. 8], другие исследователи отмечают коммуникативную компетентность и относят ее к психологическим качествам личности человека [35], во многих исследованиях обращается на важность умений профессионального общения. Коммуникативные искажения в дискурсивных проявлениях языковой личности, сохраняющиеся вне профессионального дискурса, остаются пока малоисследованными. Разумеется, изучение этого явления возможно в точечных исследованиях, посвященных тому или иному профессиональному дискурсу.

Дискурсивная профдеформация языковой личности медиатора

С учетом изложенного выше определим дискурсивную профессиональную деформацию языковой личности через ее коммуникативное поведение, которое рассматривается как «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [36, с. 23]. Дискурсивная профессиональная деформация – это изменения в коммуникативном поведении языковой личности, возникающие в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей и проявляемые как внутри, так и вне профессионального дискурса. Указанные изменения возникают в процессе и результате воздействия условий труда, опыта и ближайшего профессионального окружения и под влиянием формирующегося профессионального самосознания.

Становление медиатора в дискурсе медиации связано с его автопроектированием в профессиональной деятельности и формированием так называемого «встроенного медиатора», когда «профессиональные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, входят в психологическую структуру личности» [27, с. 212]. Дискурсивная практика медиатора сказывается на дискурсивно релевантных проявлениях языковой личности медиатора, которые могут расцениваться в качестве маркеров медиатора вне профессионального дискурса медиации.

Если профессиональную деформацию у следователя

определяют как подозрительность, у оперативного работника – как актуальную агрессивность, у адвоката – как профессиональную изворотливость, у прокурора – как обвинительность [12, с. 23], то профессиональную деформацию у медиатора можно определить через понятие договороспособности.

Договороспособность – способность договариваться, приходиться к соглашению путем переговоров – называют «менталитетом сотрудничества» [44, с. 38]. Как отмечает Н.В. Гордийчук, категорический императив медиации – это «необходимость договариваться и в любых обстоятельствах стремиться к взаимному пониманию», данное требование к медиатору «порой играет роль не только профессионального, но и жизненного кредо медиатора, которое он применяет и за пределами строго ограниченного пространства медиативной процедуры» [18, с. 42].

Договороспособность медиатора тесно связана с асертивностью поведения. В психологии асертивность «ассоциируется с такими качествами личности, как целеустремленность, уверенность в себе, самостоятельность, независимость, инициативность, самоконтроль, эмоциональная стабильность, настойчивость, напористость, решительность, требовательность к себе и другим, рефлексивность, умение доводить начатое дело до конца», под асертивным поведением понимают «самоутверждающее поведение, обусловленное субъектностью личности, выражающейся, прежде всего, в самостоятельности, независимости от других и обстоятельств, в умении отстаивать свои права и мнение при самоуважении и уважении к другим людям» [31, с. 127–128]. Применительно к дискурсивным проявлениям языковой личности медиатора это способность открыто, не замалчивая, отстаивать свои интересы без ущемления партнера. Для медиатора умение посмотреть на ситуацию со стороны сочетается с умением принять другого человека «с его сильными и слабыми сторонами, недостатками и достоинствами» (безусловное уважение) [44, с. 54].

Договороспособность и асертивность – дискурсивно-релевантные качества личности медиатора. В коммуникативном поведении эти качества проявляются, например, в настроенности на диалог, так как «стратегический язык медиации – это язык диалога, а не язык монолога, он обеспечивает возможность для сторон не только внятно сформулировать собственное видение ситуации и выразить свою позицию, но и услышать друг друга», диалог «отражает настрой на конструктивное взаимодействие» [22, с. 59].

Описывая язык медиации, профессиональные медиаторы прибегают к метафорам М. Розенберга, выделяющим два типа языка коммуникации: язык Волка и язык Жирафа [37]. Резюмируя эти два типа языка, Е.Н. Ива-

нова пишет: «Язык Волка – язык оценок и требований. Волк строит классификации, иерархии, не берет на себя ответственность, обвиняет других и старается их заставить. Волк стереотипен, “всегда прав” и добивается “правды”, при этом сомневается в себе и чувствует себя ущемленным. Испытывая страх, вину, стыд, Волк поспешно реагирует словами, дает советы, старается срочно разрешить проблему и тем самым может разрушить коммуникацию»; «Язык Жирафа – язык наблюдения, понимания, эмпатии. Жираф отвечает за свои чувства и действия, не берет на себя ответственность за чувства другого, а сопереживает ему, старается понять свои чувства и чувства другого, уважает других и не ломает их “под себя”. Для Жирафа Волк – тоже Жираф, только с лингвистическими проблемами» [22, с. 59]. Используя эти метафоры, Е.Н. Иванова определяет язык медиатора как ненасильственный язык Жирафа: «Язык медиации основан прежде всего на объективном описании, а не на диагностике и оценке сказанного сторонами» [22, с. 59].

Асертивное поведение медиатора, в частности, умение отстаивать свое мнение при уважении к другим людям, проявляется в использовании техники эффективной коммуникации «я-сообщение», которую медиатор часто разъясняет сторонам. «Я-сообщение» – это «обращение, в котором человек без обвинения и давления сообщает собеседнику о своем состоянии, чувствах и желаниях» [20, с. 25]. «Я-сообщение» позволяет избежать обесценивания, упрёка, давления, манипуляции. Например, вместо фраз *Ты меня завел* или *Ты меня никогда не понимала* с иллюквативной силой обвинения, упрёка и перлюквативным эффектом противостояния, так как в ответных репликах другая сторона чаще всего будет обороняться, сообразно с техникой «я-сообщения» следует сказать сначала о себе, причем иногда с выражением положительной информации даже при негативной ситуации: *Мне плохо, когда я слышу в свой адрес ...* (без перехода к обвинению); *Я ценю твою заботу, но мне неприятно слышать ...* Ю. Дубинина, описывая правила «я-сообщения», отмечает, что «я-сообщение» может высказываться как субъективная точка зрения (например, *не твоя татуировка ужасна, а мне не нравятся татуировки*), «я-сообщение» с элементами критики должно содержать инструкцию, в которой сообщаются ожидания от партнера (*Я расстраиваюсь, когда вижу немытые тарелки. Пожалуйста, помой после себя посуду*), «я-сообщение» может быть сформулировано как открытая просьба (*Я обращаюсь к тебе с просьбой... вместо Надо бы...*) [20, с. 26]. Здесь иллюкуция «сообщение о своем отношении к событию (сказанному)», не затрагивающая личность собеседника, сочетается с перлюкуцией сотрудничества и содействия. Практикующие медиаторы в своей повседневной практике общения не могут отказаться от техники «я-сообщения». Здесь сказывается не только отработанный навык, но и понимание преобразующего эффекта данной техники в конфликтной ситуации.

В дискурсивной практике медиации типичными для медиатора являются вопросы. Постановка вопросов является «базовым инструментом медиатора» [1, с. 59], медиатор «преимущественно использует язык вопросов, а не язык утверждений» [22, с. 59]. К дискурсивной профессиональной деформации медиатора относится способность задавать вопросы, которая нередко в повседневной коммуникации, согласно замечаниям самих медиаторов, трансформируется в навык ответа вопросом на вопрос.

Дискурсивно релевантными в коммуникативном поведении медиатора являются навыки слушания, в частности, активное слушание. А.Н. Азарнова пишет по этому поводу: «В силу принципов и правил медиативных переговоров, делающих акцент на активности сторон в поиске решения конфликта, активному слушанию в медиации отдается приоритет над постановкой вопросов. Медиаторы, активно использующие техники активного слушания и задающие сравнительно мало вопросов, как показывает практика, более успешны по сравнению с медиаторами, экспансивными в постановке вопросов и уделяющими мало внимания таким мелочам, как выслушивание сторон» [1, с. 59]. Таким образом, дискурсивная профессиональная деформация медиатора касается его умения выслушать собеседника.

В аспекте слушания своеобразным маркером коммуникативного поведения медиатора выступает формула *правильно ли я понимаю*, которая в инструментах медиатора называется «петлей понимания» (looping) [4, с. 197] и которую медиаторы между собой сокращенно обозначают ПЛЯП – от первых букв фразы *Правильно Ли Я Понимаю...* [32, с. 71]. Формула используется обычно на разных этапах медиативной сессии в начале реплик медиатора. Медиатор таким образом дает обратную связь, уточняя правильность понимания сказанного одной из сторон (сторонами). После формулы ПЛЯП медиатор повторяет или резюмирует сказанное в конструктивном ключе, выделяя факты и интерпретации, а также обращая внимание на эмоции, возникающие, когда стороны интерпретируют факты. В повседневной коммуникации дискурсивная профессиональная деформация медиатора относится к активному использованию вопросов-уточнений: *Правильно ли я понимаю, что...?*

Самоконтроль медиатора в ассертивном поведении делает его очень внимательным к своим словам. В практике общения с медиаторами отмечается отсутствие в речи медиаторов конфликтогенов, и в целом, медиаторы взвешивают каждое слово, при этом темп речи от этого не меняется. Сформированный медиатор говорит, как правило, энергично, с нормальной скоростью, избегая того, чтобы стороны скучали или отвлекались. Вместе с тем медиатор не тараторит, говорит в нормальном темпе. Профессиональная роль медиатора как участни-

ка дискурса медиации предполагает, чтобы всё, что говорит медиатор, было смыслообразно, понятно для других участников медиации. Наблюдения показывают, что у профессиональных медиаторов хорошая дикция, все слова произносятся отчетливо, непонятные слова с готовностью разъясняются.

К невербальным проявлениям дискурсивной профессиональной деформации медиатора относятся сдержанная жестикация и эмоциональная непроницаемость мимики – дискурсивно релевантные признаки, отмечаемые самими медиаторами. Самоконтроль и саморефлексия невербального поведения в рамках профессии автоматически переносятся в повседневную коммуникацию.

Профессиональная деформация медиатора, отражающаяся на специфике его коммуникативного поведения не только в профессиональной деятельности, но и за пределами профессиональной сферы, не нуждается в коррекции, если она не является чрезмерной, то есть «доходящей до деструкции личности (т. е. разрушения ее значимых качеств и характеристик), приводящей к ухудшению профессиональной эффективности, стереотипизации мышления, снижению обучаемости, разрушению социальных связей, ощущению избранности, вседозволенности и другим негативным проявлениям» [34, с. 400].

Заключение

Медиация как профессиональная деятельность оказывает воздействие на языковую личность медиатора и приводит к перестройке личностных конструктов, в частности, в направлении коммуникативной компетентности нейтрального посредника в конфликтных переговорах. В результате длительной работы в профессии происходит изменение вербального и невербального поведения медиатора, и эти изменения как дискурсивно релевантные проявления языковой личности сохраняются вне профессиональной деятельности. Обнаруженные маркеры дискурсивного проявления медиатора позволяют идентифицировать медиатора среди представителей других помогающих профессий и оценить профессиональную деформацию языковой личности медиатора.

Профессиональную деформацию медиатора можно определить через укорененные в профессиональном сознании медиатора понятия договороспособности и ассертивности, которые репрезентируются в ряде коммуникативных приемов, используемых медиатором: коммуникативная техника «я-послание», вопросы как специальные инструменты медиатора в активном слушании, формула петли понимания ПЛЯП. Дискурсивная профдеформация медиатора относится к самоконтролю в выборе слов и фраз, к саморефлексии невербального поведения.

Рассмотренные дискурсивно-релевантные маркеры медиатора с точки зрения социума не могут расцениваться как негативные, но представляют собой изменения, характеризующие дискурсивную профдеформацию языковой личности. Перспективным направлением исследования может быть отдельное рассмотрение профдефор-

мации базовой специальности медиатора: профессии медиатора обучаются юристы, психологи, педагоги, управленцы и представители других профессий, при этом в процессе обучения и в практике медиации дискурсивно релевантные проявления базовых профессий могут мешать профессиональной эффективности медиатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарнова А.Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 288 с.
2. Аллаhverдова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 4. – С. 31–49.
3. Антикиева Л.Р. Психолого-педагогические причины деформации личности учителей средней общеобразовательной школы // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2021. – № 4 (232). – С. 6–17. – DOI: 10.25198/1814-6457-231-6.
4. Арпентьева М.Р. Медиация как альтернативное разрешение споров // Перспективы психологической науки и практики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Москва, 16 июня 2017 г. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та дизайна и технологии», 2017. – С. 193–200.
5. Безносос С.П. Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2012. – № 3 (55). – С. 167–171.
6. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – 39 с.
7. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 19 с.
8. Бондаренко Е.Н. Языковая личность пожарного: коммуникация в условиях чрезвычайных ситуаций. – М.: Акад. Гос. противопож. службы Мин-ва РФ по делам гражд. обороны, чрезв. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2019. – 100 с.
9. Бузинова Л.М. Языковая личность преподавателя высшей школы (на материале русской и немецкой лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2020. – 397 с.
10. Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 47 с.
11. Волкова Е.В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2021. – 264 с.
12. Воробьева М.А. Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 2. – С. 22–27.
13. Гагарина Е.Ю. Коммуникативное поведение языковой личности виртуального врача в медицинском интернет-форуме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 25 с.
14. Галич Г.Г., Клэстер А.М. Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2018. – № 6 (416). – С. 28–35.
15. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность уральского рабочего // Культура провинции: сб. науч. ст. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. – С. 73–75.
16. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2013. – № 1 (292). – С. 32–35.
17. Гончарова Н.А. Психологические закономерности зависимости профессиональных деформаций личности от стадий профессионального развития // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. – 2018. – № 3. – С. 11–18.
18. Гордийчук Н.В. Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 41–48.
19. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 18 с.
20. Дубинина Ю.А. Медиатор. – М.: Проспект, 2021. – 224 с.
21. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.
22. Иванова Е.Н. Язык медиации // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2019. – С. 58–62.
23. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
24. Кантимирова Ю.П. К вопросу о профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности // Вологодские чтения. – 2009. – № 75. – С. 91–94.
25. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: на материале игровых программ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
26. Касимханова А.Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2015. – 22 с.
27. Киндеркнехт А.С. Аксиология коммуникативного поведения медиатора: монография / науч. ред. В.И. Карасик. – М.: Знание-М, 2023. – 244 с.
28. Киндеркнехт А.С. Помогающий статус коммуникативной профессии медиатора // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 3. – С. 85–96.
29. Корнеева Я.А., Кузнецова О.Е., Тункина М.А. Исследование профессиональной деформации личности во взаимосвязи с профессиональным самосознанием у сотрудников органов внутренних дел // Психолого-педагогические аспекты подготовки кадров к профессиональной деятельности в экстремальных условиях: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 14 мая 2021 года. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т Гос. противопож. службы Мин-ва РФ по делам гражд. обороны, чрезв. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 145–152.

30. Косякин И.В. Типология языковой личности телевизионного спортивного комментатора: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2014. – 22 с.
31. Лебедева И.В. Развитие ассертивности и ассертивного поведения личности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 127–132.
32. Манина И.И. Медиация в профессиональной деятельности: урегулирование споров. – [б. м.]: Издательские решения, 2022. – 120 с.
33. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. – 308 с.
34. Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – 470 с.
35. Особенности взаимосвязи социофессиональных и личностно-коммуникативных характеристик судебных приставов / Д.В. Карелин, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова, П.А. Трусов // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 410. – С. 172–178. – DOI: 10.17223/15617793/410/28.
36. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука. – 2006. – 193 с.
37. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. – М.: София Медиа, 2015. – 205 с.
38. Сергеева О.В. Языковая личность педагога: статика и динамика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. – 20 с.
39. Сечко А.В., Шилова С.Г. Детерминанты профессиональных деформаций военнослужащих // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симпоз. психологов с междунар. уч.; Рязань, 09–10 апреля 2020 года. – Рязань: Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2020. – С. 938–943.
40. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2005. – 53 с.
41. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 186–190.
42. Тимофеев В.П. Профессиональное общение и его развитие с помощью видеотренинга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1994. – 42 с.
43. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2005. – 558 с.
44. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. – М.: Изд-во ООО «Межрег. центр управленч. и полит. консультирования», 2017 б. – 77 с.
45. Шатов А.А. Профессиональная деформация и профессиональная адаптация личности // Форум. – 2018. – № 3(15). – С. 165–167.

© Киндеркнехт Анна Сергеевна (a_kinderknecht@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»